

Erasmus+
Jean Monnet Centre of Excellence
St. Petersburg State University, Russia

Санкт-Петербург 2017
Записка №29

Наталья Заславская

Реалистическая парадигма в российских исследованиях, посвященных отношениям России и Европейского союза

Традиционно считается, что реалистическая парадигма и реалистические теории международных отношений (классический реализм, неореализм и неоклассический реализм) широко распространены в отечественной науке о международных отношениях. Для сторонников этих подходов характерно изучение международной системы с акцентом на центрах силы и их влиянии, а также интерпретация России как великой державы, соответственно и особенности ее поведения на международной арене определяются этим статусом. Среди реалистических теорий самую большую популярность получил неореализм с его структурным восприятием международных отношений, ключевой ролью враждебной окружающей среды, необходимостью поддержания баланса сил. Но у неоклассического реализма также большой потенциал в российской науке, поскольку он позволяет объяснить особенности реакции государства на вызовы окружающей среды в зависимости от ситуации внутри государства, такого рода идеи находят отражение в работах многих отечественных авторов.

Реалистические подходы активно используются российскими учеными для анализа в целом развития современной системы международных отношений (СМО), ключевых проблем безопасности, роли России в СМО и основных направлений взаимодействия РФ с другими международными акторами, прежде всего, США и НАТО. Следует отметить, что среди специалистов по отношениям России и Европейского союза реалистические подходы применялись реже. Но тем не менее, всегда были исследователи, акцентирующие внимание на сферах влияния и балансе сил, развитии европейской безопасности и различных проблемах безопасности, а также на их влиянии на отношения России и ЕС, в частности можно вспомнить публикации С.А. Караганова, анализировавшего отношения

России с НАТО и ЕС в условиях изменившейся геополитической обстановки и попыток ЕС активизироваться в сфере безопасности¹.

Среди тематики, привлекающей сторонников реалистических подходов, можно также отметить отношения России и ЕС в сфере энергетики и споры по поводу арктического региона (например, в работах А.А. Абдулмазитова, П. Баева, В.Н. Коньшева, С.А. Михайлова, А.А. Сергунина, Е. Сидоровой, Д. В. Тренина, А.В. Фененко, Е.С. Хотьковой)².

Особое усиление реалистических подходов стало наблюдаться в связи с последствиями расширения Евросоюза на Восток, активизацией отношений ЕС с «Восточными партнерами» и кризисом на Украине. В российской академической среде возросла популярность объяснений украинских событий и последовавших за ними осложнениями в отношениях России и Евросоюза в духе неореализма и неоклассического реализма. Появились работы, анализирующие деятельность конкурирующих акторов, стремящихся расширить и закрепить сферу своих интересов. В качестве примера можно вспомнить работы О.В. Арутюнян, О.В. Гаман-Голутвиной, Е.Г. Пономаревой, А.А. Сергунина, Д.В. Тренина, Е.Ю. Трещенкова, К.К. Худолея, Л.Н. Шишелиной, О.В. Шишкиной³. Стали публиковаться также работы, оценивающие современную ситуацию противостояния между Россией и Евросоюзом и иногда даже сравнивающие это

¹ Караганов С.А., Россия, Европа и новые вызовы // Современная Европа. 2003. № 1 (13). С. 8-16; Караганов С.А., Новые вызовы безопасности: Россия и Запад // Современная Европа. 2002. № 1 (9). С. 38-46.

² Абдулмазитов, Р.Р., Энергетическая политика Европейского Союза в условиях глобализации: санкции и стратегии // Вопросы политологии. 2014. № 2 (14). С. 115-121; Коньшев В.Н., Сергунин А.А., Ремилитаризация Арктики и безопасность России // Национальная безопасность / nota bene. 2013. № 3. С. 55; Коньшев В.Н., Сергунин А.А., Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? Российский ин-т стратегических исслед.. Москва, 2011; Коньшев В.Н., Сергунин А.А., Национальные интересы России в Арктике: мифы и реальность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 29. С. 2-11; Сидорова, Е., Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. Том 14 (1)б 44: 143-155; Тренин, Д., Баев, П., Арктика: взгляд из Москвы. Московский центр Карнеги. Москва, 2010; Фененко А., Россия и соперничество за передел приполярных пространств // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4. С. 16-29; Хотькова, Е.С., Глуценко, Ю.Н., Аничкина, Т.Б., Шишков, А.С., Михайлов, С.А., Коньшев, В.Н., Сергунин, А.А., Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С. 9-43.

³ Арутюнян, О.В., Сергунин, А.А., Между Сциллой и Харибдой: Программа «Восточного партнерства» на перекрестке геополитических интересов Евросоюза и России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 2. С. 108-119; Гаман-Голутвина, О.В., Пономарева, Е.Г., Шишелина, Л.Н., «Восточное партнерство»: Борьба сценариев развития // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 20-40; Шишкина О.В., Политика соседства или политика соседей? Россия и «Западный фланг» СНГ // Международные процессы. 2012. Том 10 (3), 30: 116-123; Худoley К.К., Трещенков Е.Ю., В украинском кризисе виноват Запад? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 11. С. 123-127; Шишелина, Л.Н., Расширение Европейского Союза на Восток и интересы России . Российская акад. наук, Ин-т международных экономических и политических исслед.. Москва, 2006; Тренин Д., Россия в СНГ: Поле интересов, а не сфера влияния // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 5-6. С. 82; Шишелина, Л., Растревоженный улей соседей // Международная жизнь. 2008. № 5. С. 99-101.

противостояние с периодом холодной войны; авторы выделяют различные инструменты давления противниками друг на друга, новые центры силы и потенциальные сферы влияния. Подобные вопросы рассматриваются в работах А.А. Громыко, П.С. Золотарева, С.А. Караганова, Н.А. Кожанова, В.П. Фёдорова, А.В. Фененко⁴.

Достаточно популярный в российских исследованиях геополитический подход в большей степени имеет реалистический характер и в нем проявляются ключевые элементы реалистической парадигмы. В этой связи можно вспомнить авторов, рассматривающих различные геополитические векторы российской внешней политики и анализирующих ее усилия по изменению баланса сил, например, О.В. Арутюнян, А.А. Громыко, В.М. Захаров, С.А. Караганов, М.Л. Лагутина, Ф.А. Лукьянов, А.В. Набока, А.А. Сергунин, С.В. Субботин, Д.В. Тренин⁵.

Представленный обзор свидетельствует о том, что использование реалистических теоретических подходов в российских исследованиях в большей степени связано с тематикой самих исследований. Российских авторов, применяющих положения реалистической парадигмы, сложно классифицировать согласно существующим в мировой науке о международных отношениях традиций, выделяя классический реализм, неореализм (оборонительный и наступательный) и неоклассический реализм. Большой интерес к реализму вместе с неустоявшимися традициями его использования привели к различным попыткам классификации российских реалистов. Так, например, Т.А. Шаклеина и О.Д. Богатуров, основываясь на широком представлении о реализме, как о подходе, ориентированном на конфликтное восприятие международных отношений,

⁴ Громыко, А.А., Фёдоров, В.П., Антироссийские санкции // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 22-27; Громыко, А.А., Структуры соперничества и опыт истории // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 6-20; Золотарёв П.С., Прогулянные уроки истории // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 4. С. 38-49; Кожанов Н.А., Действие и противодействие // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14. № 1. С. 64-76; Караганов С.А., Евразийский выход из европейского кризиса // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 4. С. 92-104; Караганов С.А., Ракеты в Европе: воспоминания о будущем? // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14. № 4. С. 22-34; Фененко А.В., Хуже, чем в Холодную войну // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14. № 2. С. 142-160.

⁵ Арутюнян, О.В., Сергунин, А.А., Между Сциллой и Харибдой: Программа «Восточного партнерства» на перекрестке геополитических интересов Евросоюза и России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 2. С. 108-119; Громыко, А.А., Россия, США, Малая Европа (ЕС): Конкуренция за лидерство в мире полицентричности // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 2. С. 108; Громыко, А.А., Россия и Евросоюз: динамика отношений // Белорусский экономический журнал. 2013. № 1 (62). С. 8-17; Громыко, А.А., Россия, США, Малая Европа (ЕС): Конкуренция за лидерство в мире полицентричности // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 2. С. 108; Громыко, А.А., Структуры соперничества и опыт истории // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 6-20; Захаров, В.М., Геополитика и безопасность России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 1 (22). С. 120-133; Караганов С., Лукьянов Ф., Россия в мире силы XXI века // Россия и мусульманский мир. 2014. № 5 (263). С. 5-13; Лагутина, М.Л., Набока, А.В., Геополитические перспективы развития Евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2014. № 9 (69). С. 48-57; Сергунин, А.А., Субботин, С.В., В поисках нового мирового порядка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 6 (339). С. 186-196; Тренин Д., Геополитическое соперничество грозит заслонить борьбу с терроризмом // Россия и мусульманский мир. 2006. № 1. С. 80-86.

выделяют следующие теоретические подходы: системно-исторический подход, структуралистскую школу, геополитику и геоэкономику, политическую философию и социологию, политическую психологию и политическую экономию⁶. Можно еще вспомнить статью А.П. Цыганкова, в которой он анализировал различные тенденции изучения внешней политики в российской науке и выделил несколько научных традиций, включая две реалистические по своему характеру: (1) школу «баланса сил» и (2) школу «безопасности посредством экспансии»⁷. Первая традиция фактически представляет собой неореализм, тем более, что в рамках данной традиции выделяется оборонительное и наступательное направления, вторая же традиция представляет собой своеобразную версию геополитического подхода с акцентом на представление о враждебной окружающей среде и необходимости экспансии для обеспечения безопасности. Различные версии классификации российских реалистов свидетельствуют о трудности соотнести работы отечественных исследователей существующим направлениям реализма.

На основе проделанного обзора российских научных публикаций сторонников реалистической парадигмы об отношениях России и Европейского союза, проанализированных публикаций в научных журналах (*Pro et Contra*, *Вестник Российской академии наук*, *Вестник Санкт-Петербургского университета*, *Вопросы политологии*, *Международная жизнь*, *Международные процессы*, *Мировая экономика и международные отношения*, *Национальная безопасность / nota bene*, *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, *Полис. Политические исследования*, *Проблемы национальной стратегии*, *Россия в глобальной политике*, *Современная Европа*, *Управленческое консультирование*), материалов Института Европа РАН и Российского института стратегических исследований можно сделать вывод о том, что популярность реалистической парадигмы возросла в связи с активизацией Евросоюза на постсоветском пространстве, разногласиями между РФ и ЕС из-за сфер влияния, событиями на Украине и последовавшим кризисом в отношениях России и ЕС. Кроме того, можно отметить, что в российских реалистических исследованиях доминирует неореализм. Следует также отметить часто встречающуюся комбинацию неореализма с элементами неоклассического реализма с его вниманием к внутриполитическим особенностям и факторам, влияющим на то, как государство реагирует на внешние вызовы и пытается минимизировать негативное воздействие окружающей среды.

⁶ Шаклеина, Т.А., Богатуров, Д.А., Место реализма в российских исследованиях МО// А.П. Цыганков, П.А. Цыганков (ред.), *Российская наука международных отношений: новые направления*. М., 2005.

⁷ Tsygankov, Andrei P., *From International Institutionalism to Revolutionary Expansionism: The Foreign Policy Discourse of Contemporary Russia // Merston International Studies Review*, 41(2), Nov., 1997: 247-268.

